

«ВЕЛИЧИНА ДУШИ» ХУДОЖНИКА

ВЫШЛО так, что наш октябрьский праздник я встречал в этот раз на Кубе. Накануне, зайдя в Центральную библиотеку Гаваны, что помещается на площади Революции, недалеко от памятника Марти, я разговорился с одним кубинским парнем, который неплохо говорил по-русски. Мой новый знакомый Оскар Луис Кабальеро оказался студентом факультета «Знание и науки», где он изучал математику. Оскар пришел в читальный зал библиотеки для того, чтобы прочесть все кубинские газеты за 7 ноября 1917 года: его интересовало, о чем писали они в тот день, когда столь решительно изменилось лицо мира и его история.

Эта короткая встреча потом не раз всплывала в моей памяти, когда я ловил себя на том, как привычно и буднично порой проходим мы мимо поразительной новизны многих явлений жизни нашей.

Вот один из примеров. Когда мне предложили принять участие в предсъездовском разговоре о людях и делах Свердловского района, я попытался на минуту представить себе, каким он был, мой район, когда-то, представить себе его далекою, дореволюционную «предысторию». Ну, конечно, я знал славную историю его знаменитых театров — Большого, Малого, Художественного, в которые молодая Россия шла, как на сходку, для того чтобы почувствовать свое единство в понимании красоты и свободы. Я знал, что здесь, на Малой и Большой Дмитровках, собирались в «Артистическом кружке» и в «Обществе любителей худо-

жеств» люди, составляющие цвет художественной интеллигенции Москвы прошлого века. И я слышал о том, что здесь, в Б. Гнездиневском переулке, помещалось охранное отделение, куда с Тверской тащили демонстрантов пятого года, а неподалеку высился Бутырский тюремный замок, откуда шла прямая дорога на Владимирский тракт.

Я открыл томик Гиляровского, замечательного знатока старой Москвы, и на меня как из рога изобилия посыпались приметы прошлого моего района. Сначала это был каскад дворцов на Дмитровке. Потом дворцы обернулись домами купеческими... Затем пошли клубы — приказчиьи, английские, охотничьи, купеческие... Потом трактиры и кабаки... И над всем этим плавали густой чад и перегар торгового Охотного ряда...

И вот передо мной сегодняшняя дислокация культурных центров и организаций Свердловского района. Девять ведущих театров столицы. Если учесть, что в Риме в прошлом году я не нашел ни одного постоянного национального театра, это — цифра красноречивейшая. Среди театров моего района — Большой и Художественный, «радиус действия» которых за последние годы охватил почти весь мир.

Такой акции культурного обмена, как «Ла Скала» — «Большой», не знала история оперной сцены. Избалованный оперой Милан от души аплодировал русским вокалистам.

Токио — Париж — Лондон — Нью-Йорк — таковы маршруты последних зару-

бежных гастролей Московского Художественного театра. Его успех за рубежом особенно примечателен, если вспомнить, что театр играл в Европе и Америке не только русскую классику, но и наступательную, политическую драму Николая Погодина «Кремлевские куранты».

Порой во время хода спектакля возникали и чисто «дефективные сюжеты». Исполнитель роли В. И. Ленина — Б. Смирнов рассказывал, как однажды во время спектакля в Нью-Йорке неожиданно оказался испорченным механизм курантов, завершающих своим победным боем пьесу. Однако эта «случайность» была вовремя замечена и исправлена. Как бы того кому-то ни хотелось, ход московских курантов остановить нельзя. Революционная правда пьесы, ее гуманизм победили зрителей самых различных биографий и судеб. Сегодня новая работа театра о Ленине — пьеса Шатрова «Шестое июля» находится в списке кандидатов на соискание Ленинской премии рядом с новаторским балетом Большого театра «Легенда о любви».

Кроме этих «старейшин» театрального искусства, в районе интересно живут, ищут, ошибаются, спорят своими спектаклями друг с другом театры нового поколения режиссеров и актеров, разных в почерках и художественных пристрастиях, но единых в своей преданности социалистическому идеалу. А рядом с театрами — цирк, завоевавший мир, филармония, чей оркестр под руководством Кирилла Кондрашина недавно совершил блистательное турне по Англии,

Америке, Мексике и Кубе, прославленные ансамбли Игоря Моисеева, «Березка», хор имени Пятницкого.

Некогда скромные артистические кружки превратились в наши дни в мощные творческие союзы — Союз художников, Союз композиторов. Мой район — это театры и исследователи, работающие в Институте истории искусств, это журналисты, делающие три журнала по театру и живописи, это педагоги, вводящие детей в прекрасный мир музыки в детских музыкальных школах, это боевой отряд кинодокументалистов, ведущих летопись нашей эпохи на Центральной студии документальных фильмов. Это прочно вписавшиеся в культурный пейзаж столицы такие дома художественной интеллигенции, как Дом актера и ЦДРИ, это двадцать восемь народных университетов культуры, это, наконец, ряд крупных

московских кинотеатров, от милого сердцу кинотеатра моего детства «Уран» до «фламанго» кинотеатров Москвы — «Россия».

Предсъездовский разговор — отнюдь не повод для безоблачных славословий. Как человек театра, я скажем, мог бы много сказать о том, что заботит и не удовлетворяет меня прежде всего в театре имени Ермоловой, где я сам работаю, равно как и в работе самых знаменитых театров района. Но сегодня мне хотелось поделиться своим удивлением и радостью от самого масштаба того мощного плацдарма культуры, который представляет собой мой район.

Партия зовет деятелей культуры к новому наступлению. У каждого из различных «родов оружия» этой мирной армии художников, композиторов, актеров, режиссеров, кинематографистов, педагогов, журналистов есть свои специфические заботы, связанные с претворением в жизнь Директив.

Но одна проблема представляется мне общей и ре-

шающей, идет ли речь о спектакле или вернисаже, о фильме или исполнении симфонии: это проблема зрителя и слушателя, человека, к которому направлено наше искусство. Об этом немало писалось. Слова здесь потеряли свой истинный смысл и стерлись от частого употребления. А между тем это вопрос вопросов. Человек нашего времени, много переживший, много переудавший, получающий сегодня огромный поток информации, предъявляющий к искусству бескомпромиссные требования, отказывается смотреть, слушать, читать вещи «второго сорта», вещи неумные, стоящие ниже его собственного уровня. Он требует совершенства, требует, чтобы с ним разговаривали всерьез. «на равных», требует искусства, которое помогало бы ему работать и жить. В пьесе, которую я сейчас ставлю, один из персонажей, споря о разнице между искусством и фактом, говорит:

«Произведения искусства отличаются от факта на величину души автора». Мне нравится эта мысль. «Величина души» нашего зрителя, нашего народа властно ставит вопрос о «величине души» автора, о богатстве личности художника.

Мы вступили в особую пору жизни страны: XXIII съезд КПСС, предстоящие 50-летие нашего государства, столетие со дня рождения В. И. Ленина — эти важнейшие этапы нашего движения в будущее заставляют каждого художника внимательно и придирчиво проверять свой путь и снова и снова думать о том, чтобы собрать богатый урожай со своего поля и не ударить лицом в грязь ни на праздничном столе народа, ни помогая ему в его каждодневных нелегких трудах.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

Сцена из спектакля «Шестое июля» в постановке Московского Художественного академического театра. В. И. Ленин — лауреат Ленинской премии В. СМЕРНОВ, Я. М. СВЕРДЛОВ — артист Н. ПЕНЬКОВ. Фото А. Гладштейна.

Московская правда, 1966, 22 марта